

Henry Wadsworth Longfellow

POEMS

EVANGELINE

Генри Уодсворт Лонгфелло

СТИХОТВОРЕНИЯ

ЭВАНЖЕЛИНА

Поэма

Перевод с английского

Составление, предисловие и комментарии

Григория Кружкова

Москва «Текст» 2023

CONTENTS

16	The Wreck of the Hesperus
26	The Village Blacksmith
32	Excelsior!
38	The Slave's Dream
44	The Witnesses
48	The Quadroon Girl
54	The Warning
56	The Arrow and the Song
58	To The Driving Cloud
64	"The day is done, and the darkness..."
70	To a Child
86	The Secret of the Sea
90	Seaweed
96	Sand of The Desert in an Hour-Glass
102	The Builders
106	Sir Humphrey Gilbert
112	Tegnér's Drapa
120	The Fire of Drift-Wood
126	My Lost Youth
134	The Jewish Cemetery at Newport
140	The Haunted Chamber
144	A Dutch Picture
	Something Left Undone
150	"The tide rises, the tide falls..."
156	Morituri Salutamus
180	The Evening Star

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	8
Гибель «Вечерней звезды». <i>Перевод М. Бородицкой</i>	17
Деревенский кузнец. <i>Перевод М. Бородицкой</i>	27
Excelsior! <i>Перевод В. Левика</i>	33
Сон невольника. <i>Перевод М. Михайлова</i>	39
Свидетели. <i>Перевод М. Михайлова</i>	45
Квартеронка. <i>Перевод М. Бородицкой</i>	49
Предостережение. <i>Перевод М. Михайлова</i>	55
Стрела и песня. <i>Перевод Г. Кружкова</i>	57
Гонимой Туче, вождю племени омахов. <i>Перевод Г. Кружкова</i>	59
«Смеркается день. На землю...» <i>Перевод Г. Кружкова</i>	65
К ребенку. <i>Перевод М. Бородицкой</i>	71
Тайна моря. <i>Перевод Р. Дубровкина</i>	87
Водоросли. <i>Перевод М. Бородицкой</i>	91
Песочные часы. <i>Перевод Р. Дубровкина</i>	97
Строители. <i>Перевод Р. Дубровкина</i>	103
Сэр Хэмфри Гилберт. <i>Перевод Р. Дубровкина</i>	107
Драпа о Тегнэре. <i>Перевод М. Бородицкой</i>	113
Обломки мачт. <i>Перевод Р. Дубровкина</i>	121
Моя утраченная юность. <i>Перевод Г. Кружкова</i>	127
Еврейское кладбище в Ньюпорте. <i>Перевод Р. Дубровкина</i>	135
Комната с привидениями. <i>Перевод Р. Дубровкина</i>	141
Картина в голландском стиле. <i>Перевод М. Бородицкой</i>	145
Незавершенное. <i>Перевод Г. Кружкова</i>	151
Прилив и отлив. <i>Перевод М. Бородицкой</i>	155
Morituri Salutamus. <i>Перевод М. Бородицкой</i>	157
Вечерняя звезда. <i>Перевод Р. Дубровкина</i>	181

- 182 Chaucer
184 Milton
186 Keats
- Divina Commedia
- 188 I “Oft have I seen at some cathedral door...”
190 II “How strange the sculptures that adorn these towers!”
192 III “I enter, and I see thee in the gloom...”
194 IV “With snow-white veil and garments as of flame...”
196 V “I lift mine eyes, and all the windows blaze...”
198 VI “O star of morning and of liberty!”
- 200 The Broken Oar
Sonnet on Mrs. Kemble’s Reading
202 from Shakespeare
204 Venice
206 Mezzo Cammin
208 Moods
210 The Harvest Moon
212 Evangeline: *A Tale of Acadie*

Чосер. <i>Перевод Р. Дубровкина</i>	183
Мильтон. <i>Перевод Р. Дубровкина</i>	185
Китс. <i>Перевод Г. Кружкова</i>	187
На перевод «Божественной комедии»	
<i>Перевод Р. Дубровкина</i>	
I «У входа в храм случилось видеть мне...»	189
II «Как необычен облик этих статуй!..»	191
III «Вхожу и вижу в отблесках свечей...»	193
IV «В одеждах рдяных, в белом покрывале...»	195
V «В пылании витражного окна...»	197
VI «Звезда свободолюбья и расцвета...»	199
Сломанное весло. <i>Перевод Г. Кружкова</i>	201
На чтение Шекспира госпожой Кембл.	
<i>Перевод М. Бородицкой</i>	203
Венеция. <i>Перевод В. Левика</i>	205
Mezzo Sammin. <i>Перевод В. Левика</i>	207
Томление. <i>Перевод Г. Кружкова</i>	209
Сентябрьская луна. <i>Перевод Р. Дубровкина</i>	211
Эванжеллина. <i>Акадская повесть. Перевод Г. Кружкова</i>	213
Комментарии	418

ПРЕДИСЛОВИЕ

Генри Уодсворт Лонгфелло родился в приморском городе Портленд на востоке США, в штате Мэн. Вспоминая через много лет родной город в ностальгическом стихотворении «Моя утраченная юность», он пишет:

Я вижу брызги пены у свай,
Над морем крутой откос,
И синевы необъятный край,
И острова — блистающий рай
Всех моих детских грез.

.....

Я помню скрещения мачт и рей,
И верфь, и причал морской,
Испанских шкиперов-бородачей,
Таинственную красоту кораблей
И моря зов колдовской.

Мальчик, выросший у моря, с двенадцати лет сочинял стихи. Он поступил в частный Боудинский колледж, и к моменту его окончания у него уже было напечатано в местной прессе около сорока стихотворений. А дальше случилось то, что

можно назвать неслыханной удачей, а еще вернее — чудом: не иначе какая-то добрая фея наколдовала. Попечители Бюдинского колледжа решили открыть новую кафедру современных языков и пост профессора этой кафедры предложили своему восемнадцатилетнему выпускнику Генри Лонгфелло — при условии, что он на несколько лет отправится в Европу совершенствоваться в языках.

Итак, в мае 1826 года Лонгфелло ступил на борт корабля, отправляющегося во Францию. И тут с ним произошло еще одно примечательное событие: он перестал писать стихи. Целых одиннадцать лет длился его добровольный пост.

Это были очень важные и плодотворные годы. Лонгфелло не только овладел целым рядом европейских языков, в том числе французским, немецким, испанским, итальянским, а также датским и финским. Он изучал и усваивал опыт европейской поэзии от Гомера до романтизма, писал статьи и рецензии, а главное, много переводил, и эти переводы в дальнейшем составили несколько солидных томов. Своих стихов он не сочинял, но работа над переводами дала необычайно много для его будущей поэзии. Она и была его настоящей «школой пения» — академией стиха, академией творчества.

Разрешение от долгого поэтического поста произошло в 1837 году после возвращения Лонгфелло из Европы и трагической смерти его жены вследствие неудачных родов. В его первом сборнике «Голоса ночи» было всего девять новых стихотворений и семь, написанных в юности, еще до отплытия в Европу. Большая часть книги состояла из переводов, в том числе поэмы Хорхе Манрике «Плач по отцу», больших отрывков из «Божественной комедии» Данте и других стихов,

переведенных с древнеанглийского, французского, немецкого, испанского и датского. Разнообразные ритмы и формы строф, эпиграфы на древнегреческом и сам принцип смешения оригинальных стихов с переводными — всё это делало сборник Лонгфелло мало похожим на типичную книгу американского поэта.

Но наряду с этим «профессорским» колоритом в книге была и приманка для самой широкой публики — несколько мгновенно сделавшихся сверхпопулярными стихотворений Лонгфелло, в том числе и в особенности «Псалом жизни». Его декламировали на литературных вечерах и в семейных гостиных, помещали во все антологии поэзии, переводили на разные языки, в том числе на русский (и неоднократно), хотя, на сегодняшний взгляд, этот самый «Псалом» не более чем набор банальностей и его никак нельзя отнести к лучшим стихотворениям поэта.

Впрочем, надо учесть и разницу эпох — тогдашней и сегодняшней. Чтобы вернее воспринять поэзию Лонгфелло, современному читателю необходимо сделать некоторую «мысленную поправку, вроде той, которую мы делаем, читая, например, Эхила, Чосера или Рабле — или (страшно сказать!) самого Пушкина. В случае столь близких нам авторов сделать эту поправку бывает особенно трудно, и все же принять ее в расчет нужно: ведь время ускоряется, и разница между читателями эпохи постмодерна и XIX века не меньше, чем у читателей XIX века и, скажем, раннего Ренессанса.

Успех первого сборника Генри Лонгфелло был подкреплен последующими публикациями; его популярность росла и за какие-то десять или двадцать лет превратилась в славу, которую можно назвать беспрецедентной в американской ли-

тературе. Его стихи читали представители всех слоев американского общества — от рабочих до аристократов, от профессоров до политиков. Нам трудно сегодня этому поверить, но стихи Лонгфелло были такой же частью американского сознания, каким стало кино в период расцвета Голливуда. В ту переломную эпоху, когда воспоминания об американской революции уходили из живой памяти поколений, а трагическая Гражданская война неумолимо приближалась, поэзия Лонгфелло творила национальные мифы, в которых так нуждалась молодая, ищущая свой образ страна. Его стихи дали современникам слова, образы, легенды и героев, которые объясняли Америку ей самой и другим странам.

Но слава Лонгфелло не ограничивалась Соединенными Штатами. Он был первым американским поэтом, сумевшим достичь признания в Европе. Англия приветствовала его как первого великого поэта Нового Света, и в этом были единодушны все: от Букингемского дворца до виднейших английских литераторов — Чарльза Диккенса, Джона Рёскина и Альфреда Теннисона. Петербургская академия наук, вслед за другими академиями Европы, присудила Генри Лонгфелло звание своего иностранного члена. Император Бразилии Педро II, приехав в США, просил знаменитого поэта оказать ему честь отобедать с ним, а впоследствии не поленился перевести на португальский язык одно из стихотворений Лонгфелло.

Однако самая большая слава за пределами Америки досталась «Песне о Гайавате», которая была переведена практически на все европейские языки. Русский перевод Ивана Бунина был награжден Пушкинской медалью Российской академии наук. И, думается, это один из тех переводов, что

сделаны на все времена, лучше перевести невозможно — и не нужно.

О широкой известности Лонгфелло в Европе свидетельствует, между прочим, такой факт. В романе Жюль Верна «Пять недель на воздушном шаре» (1862) перед собранием Географического общества предстает доктор Фергюсон, руководитель будущей смелой экспедиции. Вместо ожидаемой речи он произносит лишь одно слово: «Excelsior!» И зал встречает это бурными аплодисментами. Жюль Верн предполагает, что не только англичане, но и французские читатели его романа должны мгновенно узнать рефрен романтической баллады Генри Лонгфелло о юноше, идущем в одиночку на штурм альпийской вершины. У него в руках знамя, на котором написан странный девиз: «Excelsior!» Он идет, не слушая предостережений, отвечая на все вопросы одним-единственным словом, означающим: «Вперед и выше!»

Любимые жанры Лонгфелло — баллада, рассказ в стихах — отвечали вкусам молодой динамичной нации, жадной до всего интересного и необычного, приобщая таким образом к поэзии самую широкую читательскую аудиторию. Они давали в концентрированной форме и увлекательную историю, и новые знания, и полезное назидание. Неудивительно, что тиражи стихотворных сборников Лонгфелло превосходили тиражи самых популярных романов.

Трудно переоценить гуманистический заряд, который несли стихи Лонгфелло, их огромное влияние на души читателей. Это не только цикл «Стихи о рабстве», сыгравший важную роль в борьбе за отмену рабства в Америке, но и, например, его знаменитые поэмы «Эвангелина» (1847) и «Песня о Гайавате» (1855). Задачей поэта, несомненно, было со-

здать для Нового Света свой героический эпос, подобный древнегреческому, на котором стоит классическая литература Европы. Об этом говорит уже выбор гекзаметра, размера «Илиады» и «Одиссеи», для первой из этих поэм. А для второй Лонгфелло взял четырехстопный хорей с женскими рифмами — размер карело-финского эпоса «Калевала» (мы помним, что Лонгфелло изучил финский язык и мог читать поэму в оригинале).

Стоит обратить внимание, какие темы выбрал Лонгфелло для своего американского эпоса: не слава и доблесть победителей, а культурное наследие побежденных и лишенных своих земель индейцев («Песня о Гайавате») или история депортации малого народа — акадцев, предков поныне живущих в Луизиане каджунов («Эванжелина»). Благородство и великодушие, как отмечают биографы, черта не только поэзии Лонгфелло, но и его личности. Это важно в связи с той наставнической, учительской ролью, которую его поэзия, несомненно, исполняла в сознании читателей.

Много времени и сил поэт уделял поэтическому переводу. Его великим свершением стала, может быть, лучшая на английском языке версия «Божественной комедии» Данте, над которой он работал более десяти лет. У Лонгфелло есть сонет «Сломанное весло», написанный по завершении этого перевода. Поэт, бродя по берегу Лапландии, находит сломанное весло с вырезанной на нем надписью: «Тебя я часто клял, но не бросал». Слова, которые в точности выражали его собственные чувства —

Он эту фразу в книгу записал
И праздное перо закинул в море.

Разве не чувствуется здесь тот вздох освобождения, который вырвался у Пушкина в стихах на окончание «Евгения Онегина»:

Миг вожделенный настал: окончен мой труд многолетний.
Что ж непонятная грусть тайно тревожит меня?
Или, свой подвиг свершив, я стою, как поденщик ненужный,
Плату приявший свою, чуждый работе другой?
Или жаль мне труда, молчаливого спутника ночи,
Друга Авроры златой, друга пенатов святых?

Лонгфелловский перевод «Божественной комедии» сделан белым пятистопным ямбом. Но интонации и движение стиха так замечательно переданы, что мы, читая, вскоре забываем об отсутствии рифм. Между прочим, и Эзра Паунд — второй после Лонгфелло американский поэт, уделявший большое внимание поэтическим переводам, обходился в них безрифменным стихом. Эзра Паунд был внучатым племянником Генри Лонгфелло, о чем он, один из вождей американского модернизма, не любил упоминать.

Модернисты и стали новым поколением, свергнувшим с пьедестала кумиров прошлого века. С этого момента репутация Лонгфелло стремительно покатила вниз. Он стал «неактуален» — в отличие, скажем, от Эмили Дикинсон и Волта Уитмена. К концу XX века в антологиях американской поэзии он занимает уже более чем скромное место.

Но в последнее время, особенно после 2007 года, когда поэт справил свое двухсотлетие, ситуация стала ощутимо меняться. Взгляд на Лонгфелло как на затхлого старомодного викторианца постепенно уходит в прошлое. Важнейшую роль в его «воскрешении» сыграли статьи поэта и авторитет-

ного критика Дейна Джойа. Десятками тысяч экземпляров расходятся новые издания стихов Лонгфелло, все чаще появляются ученые статьи, посвященные его творчеству. К юбилею поэта почтовое ведомство США выпустило уже вторую мемориальную марку с его портретом; прежде из писателей такой чести удостоивался только Герман Мелвилл.

Но вот важнейший вопрос: что может дать этот «поэт-профессор» человеку XXI века, и как нам сегодня читать Лонгфелло? Я думаю, что читать его следует так, как читают классиков ушедших эпох — Эсхила, Данте, Александра Поупа, то есть с учетом временной перспективы. Тогда все случайное уйдет на задний план, а вперед выступит то, что не может устареть. И мы снова ощутим и гармонию стихов, и ту естественную гармонию, о которой современный человек уже подзабыл. Внутреннее течение времени для него настолько убыстрилось, что он просто не успевает ее ощутить: он спешит, он делает слишком много ударов крылышками в одну секунду. Лонгфелло как бы возвращает нас к нормальному течению времени, обновляет наш запас душевного здоровья.

THE WRECK OF THE HESPERUS

It was the schooner Hesperus,
That sailed the wintry sea;
And the skipper had taken his little daughter,
To bear him company.

Blue were her eyes as the fairy-flax,
Her cheeks like the dawn of day,
And her bosom white as the hawthorn buds,
That ope in the month of May.

The skipper he stood beside the helm,
His pipe was in his mouth,
And he watched how the veering flaw did blow
The smoke now West, now South.

Then up and spake an old Sailor,
Had sailed to the Spanish Main,

ГИБЕЛЬ «ВЕЧЕРНЕЙ ЗВЕЗДЫ»

Корабль «Вечерняя звезда»
Покинул порт зимой;
И шкипер дочку юную
Взял в плаванье с собой.

Ее глаза, как летний лен,
Цвели голубизной,
А грудь белела, как в саду
Боярышник весной.

Беспечный шкипер стоял у руля
И трубкою дымил,
А ветер то югу дым сдувал,
То к западу волочил.

Сказал бывалый мореход,
Что плавал в Новый Свет: